

Двое, а иногда и пятеро одновременно держались за Макнейра, когда он отступал от Вуали. Рука Гермiony работала сверхурочно, когда она выкрикивала команды о том, когда вытаскивать Пожирателя смерти и с какой силой проталкивать его обратно. Он выходил, как короткая цепная банда, стряхивал с себя тела, а затем снова вбегал, как игрок в американский футбол на передовой.

Пока они работали, Гермiona быстро оглядывала все лица, чтобы понять, не узнала ли она кого-нибудь. Некоторые были одеты в старую одежду, большинство - в одежду, соответствующую этому веку, но все они выглядели нестарыми, нетронутыми и неподвижными. Молодые ведьмы все еще носили детально проработанные нити своего времени, не показывая износа ни на одежде, ни на себе; безупречная кожа покрывала их бледные лица.

Спустя почти два часа, в течение которых образец не поддавался контролю со стороны человека, научные сотрудники, Макнейр и Гермiona начали ощущать, что эксперимент вытягивает из них энергию. Во время нескольких последних вылазок в Вейл Макнейр выходил оттуда с пустыми руками, лаял на ведьму, что в «зоне ожидания» больше никого нет. Несколько человек, по его словам, приходили поинтересоваться, но он не давал им времени на расспросы и хватал их, чтобы не выходить с пустыми руками к властной брюнетке-колдунье. Физическая работа была достаточно изнурительной, и он не хотел испытывать ведьму в халате, иначе она заставит его сделать что-нибудь похуже, чем спасение людей, которых он, как он помнил, толкал в дом.

Из всех ста пятидесяти двух человек, которых Макнейр в одиночку вытащил из-за завесы, только одно лицо было знакомо Гермione. Это лицо принадлежало старому немцу-смотрителю, который исчез около двух лет назад, когда она только начала работать в Отделе тайн. Она помнила, как он всегда предлагал ей карамельные сладости из магла и просил никому не говорить, что они у него есть, иначе каждый захочет их получить. Никто не знал, куда он отправился однажды вечером после смены, но больше всего его порадовало то, что Гермiona стояла над ним, улыбаясь, а он протянул руку, чтобы коснуться ее лица, назвав ее Ангелом Тьмы.

Гермiona улыбнулась про себя, услышав его ломаный английский, пытаясь произнести все эти слоги голосом, который звучал так, будто в нём много лет не было воды... или нет. Это глубоко согревало её, но, глядя на занавески перед собой и Макнейра на полу у её ног, она всё ещё чувствовала себя неполноценной. На сердце было тяжело, и она чувствовала, что после всех спасенных ею людей, которые сейчас возвращаются к жизни благодаря различным переливаниям, она не преуспела по личным причинам. Сириус не был одним из Возвращенных.

Наконец Макнейр в четвертый раз в одиночку вытащил из-за спины своего задрапированного врага. Он рычал, как раздраженный лев, на свое изможденное состояние. Он знал, что его воля к борьбе с зельем, текущим в его крови, давно иссякла, и снова и снова кричал, что место, из которого его вытащили, пустое, темное и пустое. Гермiona не стала его слушать и снова щелкнула запястьем, выпрямляя его спину невидимой струной. Ее нижняя губа дрожала, и она знала, что он должен продолжать идти, несмотря на то, что его ноги были в синяках и кровоточили от постоянного скрежета по гравийному полу.

«Гермiona, он закончил», - сказал его товарищ по исследованию. Его волосы были разметаны в

стороны, а дыхание сбивалось от беготни туда-сюда между приказами Гермионы и новичками, которых привел Макнейр.

Стремление Гермионы к выполнению задания пробивалось сквозь внешность яркой ведьмы не по годам. Её волосы были полностью освобождены от зажимов, лицо покраснелось, а руку с палочкой она держала высоко, как дирижёр в середине крещендо. У нее началась мания подсчета. Людей не хватает, твердила она, и, как неуправляемая машина, готова была затащить Макнейра обратно в Вейл, даже если он будет ворчать, жаловаться и вернуться с пустыми руками. Как рыбалка в заросшем озере, казалось, что у всех уже не клюет.

У Гермионы задрожали губы, и она покачала головой, глядя на струящиеся черные плащи: «Нет! Мне нужно больше, им нужно убраться!»

От крика через всю комнату у нее пересохло в горле, но она чувствовала себя такой неполноценной, стоя здесь в своем грязном лабораторном халате. Древней арке было много веков, а все, что они смогли вытащить, - это чуть больше семидесяти заблудших душ... и не тех, кого она хотела. Не тот человек, который представлял весь этот проект в глубине ее сознания, сдерживая его, как золотую медаль, которую вот-вот должны были вручить. Крошечная мысль в глубине ее сознания верила, что если она сможет вернуть Сириуса, вернуть его Гарри с бантом на шее, как долгожданный подарок, то она сможет сделать все. Так что целый год исследований был посвящён этому куску камня.

После того как Макнейр вышел обратно, снова без лишних тел, Гермиона лишь хмуро и с тяжелым сердцем наблюдала за ним. До её слуха наконец-то донеслись звуки в комнате, которые всё это время раздавались вокруг неё, но только сейчас, почувствовав кислый запах поражения, она услышала рыдания людей. Медленно повернув голову, она увидела женщину в цветочном платье конца пятидесятих годов, обнимающую маленького ребенка, одетого в ту же эпоху. Рядом с ними в одиночестве сидел мужчина, выглядевший изможденным, на его губах играла легкая улыбка, когда он просто смотрел в землю. Его заинтересовали ее всхлипывания, и он протянул руку к женщине, чтобы взять ее за руку, но она тут же остановилась. Они выглядели как полярные противоположности, две разные эпохи, и было очевидно, что они не знают друг друга. Как только мужчина прикоснулся к ней, она медленно улыбнулась и повернулась к нему, притянув дочь ближе, и они обнялись втроем, словно разминаясь. Казалось, только прикосновение, только признание того, что они больше не одни, имело для них значение.